

УДК 321.01

DOI: 10.34670/AR.2026.34.94.009

Национальная революция как форма политического изменения в постлиберальную эпоху: теоретический анализ и современные кейсы

Меметов Энвер Рустемович

Аспирант кафедры философии и социологии,
Академия труда и социальных отношений,
119454, Российская Федерация, Москва, ул. Лобачевского, 90;
e-mail: enver.memetov.97@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена теоретическому осмыслению понятия «национальная революция» как формы политического изменения, актуальной в условиях постлиберальной трансформации европейских демократий. Цель исследования – уточнение категориального содержания термина, его разграничение с близкими концептами и выявление признаков, позволяющих рассматривать национальную революцию как самостоятельный тип легитимационного и институционального сдвига. Методологической основой является компаративный анализ идеологических, дискурсивных и институциональных изменений, сопровождающих мобилизацию национальной идентичности. В статье реконструируется историческая эволюция понятия, систематизируются современные подходы к его интерпретации. Автор предлагает собственную дефиницию национальной революции и выделяет её ключевые признаки. Эмпирическую базу составляют кейсы Великобритании, Польши, Венгрии и США, демонстрирующие переход от универсалистской модели легитимации к идентичностной. Научная новизна заключается во введении концепта «национальная революция» в аналитический аппарат политической науки и выявлении его потенциала для анализа постлиберальных процессов.

Для цитирования в научных исследованиях

Меметов Э.Р. Национальная революция как форма политического изменения в постлиберальную эпоху: теоретический анализ и современные кейсы // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 2А. С. 68-77. DOI: 10.34670/AR.2026.34.94.009

Ключевые слова

Национальная революция, политическое изменение, постлиберализм, национальная идентичность, популизм, культурный сдвиг, демократический кризис, политическая легитимация, политическая трансформация.

Введение

В начале XXI века европейская политика столкнулась с новым вызовом: на фоне процессов глобализации и интеграции резко усилилась роль национальной идентичности. Это проявляется не только в росте националистических и правопопулистских настроений, но и в переосмыслении легитимности существующего политического порядка. Электоральные успехи правопопулистских партий, рост влияния национально-консервативных движений и усиление риторики суверенитета поднимают вопрос: является ли это политическим сдвигом в рамках либеральной демократии – или речь идёт о принципиально иной форме политического изменения, выходящей за пределы либерально-демократической парадигмы?

Термин «национальная революция» всё чаще появляется в публичных и научных дискуссиях – от описания процессов выхода Великобритании из ЕС до трансформаций в Венгрии, Польше, Германии. Однако в научной литературе этот термин используется крайне неоднородно: он может означать национально-освободительное движение, правый популистский проект или риторику радикального национализма. В рамках политологической теории понятие остаётся неустоявшимся и требует как систематизации, так и теоретического наполнения. Отечественные исследователи (М. А. Василиков [Василиков, 2022], И. И. Барциц [Барциц, 2020] и др.) также указывают на терминологическую неопределённость, отсутствие целостного подхода и необходимость переопределения роли нации в современных политических изменениях.

Актуальность исследования феномена национальной революции обусловлена несколькими факторами. Во-первых, современный национализм перестал быть маргинальным – он стал мейнстримной политической силой, бросающей вызов базовым ценностям либеральной демократии (Mudde, Rovira Kaltwasser [Mudde, Rovira Kaltwasser, 2017]). Во-вторых, дискурсивное оформление этих изменений часто сопровождается революционной риторикой – «возвращение контроля», «восстановление суверенитета», «перезапуск нации» [Eatwell, Goodwin, 2018]. Это указывает на формирование особой логики политического действия, где нация становится центральным субъектом перемен, а элиты изображаются как «внутренние враги». В-третьих, исследование национальной революции позволяет осмыслить, как глобальные вызовы (экономические, миграционные, культурные) запускают политико-идентичностные процессы трансформации на национальном уровне [Norris, Inglehart, 2019].

Национальная революция как категория находится на стыке двух фундаментальных понятий – революции и нации. С одной стороны, революция традиционно ассоциируется с резким, часто насильственным сдвигом в системе власти и легитимации (Arendt [Arendt, 1963], Tilly [Tilly, 1993]). С другой – нация, в интерпретации как примордиалистской (Smith [Smith, 1991]), так и конструктивистской (Anderson [Anderson, 1983]; Gellner [Gellner, 1983]), выступает как форма коллективной идентичности. Однако синтез этих понятий – революция, основанная на нации как субъекте – остаётся слабо разработанным. Между тем именно такая форма изменений становится всё более характерной для постлиберальной политической эпохи.

Предлагаемая статья представляет собой попытку теоретического обоснования нового аналитического инструмента – понятия «национальная революция» – в условиях кризиса глобального порядка и трансформации моделей политического участия.

Существующие подходы к понятию «национальная революция»

Понятие «национальная революция» имеет сложную историю, в которой отражаются изменения политической мысли и идеологических систем. Идеи, близкие к содержанию национальной революции, впервые появились в эпоху Просвещения. В частности, Жан-Жак Руссо, формулируя принцип народного суверенитета, заложил концептуальные основания для понимания революции как акта восстановления власти народа – основывая её на национальной (народной) легитимности [Руссо, 1969].

В марксистской традиции термин использовался для обозначения широкомасштабных буржуазно-демократических революций, охватывающих массы. В. И. Ленин, интерпретируя революции начала XX века, называл национальной революцией события, в которых действовали не только отдельные классы, но и вся «нация», как социально-политическая общность, выступающая против старого порядка [Ленин, 1972]. При этом речь шла не о национализме в этническом смысле, а о масштабности и включённости различных слоёв общества.

В противоположность этому, в праворадикальной мысли межвоенного периода «национальная революция» приобрела диаметрально иное значение. Адольф Гитлер называл приход национал-социалистов к власти в 1933 году «началом национальной революции» [Туз, 2022], а режим Виши во Франции официально именовал свою идеологическую программу *Révolution nationale* [Paxton, 2001]. В обоих случаях речь шла о разрушении либеральных институтов, введении авторитарного режима и идеологическом переопределении нации на основе традиции, иерархии и этнического единства.

Научное обоснование термина «национальная революция» впервые предприняли С. М. Липсет и Ш. Роккан в контексте теории политических расколов. В их концепции «национальная революция» обозначала переход от имперских и феодальных форм правления к централизованным национальным государствам, сопровождавшийся унификацией администрации, секуляризацией власти и подавлением локальных идентичностей [Lipset, Rokkan, 1967]. Этот процесс сопровождался политическим конфликтом между «центром» и «периферией» – один из двух основных линий раскола в европейской партийной системе.

Следует отметить, что в рамках этой модели национальная революция понималась не как единичное событие, а как долгосрочный исторический процесс. В одних странах он принял форму острых революционных кризисов (Франция, Германия, Италия), в других – институционализировался через реформы и интеграционные процессы. Тем не менее, Липсет и Роккан придали термину конкретное политологическое содержание: революция, в ходе которой формируется нация как политическая единица.

Понимание национальных революций существенно различается в зависимости от идеологического контекста. В либеральной традиции XIX–начала XX веков (например, в интерпретации Французской, Американской революций, революций 1848 года) они рассматривались как прогрессивные акты утверждения народного суверенитета и гражданских прав. Напротив, марксистский подход интерпретировал национальные революции как стадию классовой борьбы: буржуазные по содержанию, но национальные по форме. Как указывал П. Андерсон, такие революции представляли собой «не акт народной эмансипации, а организацию капиталистической государственности в национальной форме» [Anderson, 1974].

Консервативная мысль традиционно настроенно относилась к революциям, видя в них угрозу устойчивости и порядка. Однако в XX веке возникла доктрина «консервативной

революции», стремившаяся соединить радикализм формы с традиционалистским содержанием. Идеологи вроде А. Мёллера ван ден Брука в Германии утверждали необходимость глубокой «органической» революции во имя национального возрождения [Moeller van den Bruck, 1923].

Таким образом, уже в XX веке термин «национальная революция» приобрёл полисемантический характер: от социалистических концепций до праворадикальных лозунгов – нередко прямо противоположных по сути, но одинаково оперирующих национальной риторикой.

На рубеже XX–XXI веков исследователи задаются вопросом: возможна ли национальная революция в условиях постмодерна и глобализации? Британский историк Энтони Смит предполагал, что эпоха «классических» национальных революций завершилась с окончанием колониальной эпохи [Smith, 1998]. Однако многие современные авторы фиксируют рост националистических и популистских движений в развитых демократических странах как проявление нового типа революционности – без насилия, но с глубоким дискурсивным и институциональным сдвигом.

Пиппа Норрис и Рональд Инглхарт интерпретируют рост правопопулистских настроений как «культурный откат» (cultural backlash) против быстрой либерализации, глобализации и миграции [Norris, Inglehart, 2019]. Мэтью Гудвин утверждает, что современная Европа переживает «революционную смену координат», в которой национально-популистские силы формируют новую парадигму политики [Eatwell, Goodwin, 2018]. Кас Мудде считает популистский национализм не просто реакцией, но самостоятельной формой мобилизации, способной трансформировать политическую систему [Mudde, 2019].

Однако возникает теоретическая проблема: можно ли такие процессы – электоральные, культурные, идентичностные – называть «революцией»? Сторонники узкого толкования утверждают, что революция требует разрыва с существующим порядком в форме насильственной смены власти. Напротив, другие исследователи подчеркивают, что революция может происходить и «внутри институционального поля», если затрагивает структуру легитимации, политической идентичности и коллективных представлений о нации.

Таким образом, понятие «национальная революция» прошло путь от идеологемы до аналитической категории, однако так и не получило устойчивого научного определения. Оно разрывается между разными традициями и метафорами – от революции в классическом смысле до культурного сдвига в условиях демократии. Это создаёт необходимость в разработке новой, политологически верифицируемой дефиниции, способной охватить современные формы трансформации, где нация становится не только объектом политики, но и её центральным субъектом.

В отличие от национализма как идеологии, национальная революция понимается не как система идей, а как процесс институциональной и политической трансформации. В отличие от популизма, ограничивающегося антиэлитистской риторикой в рамках существующего порядка, национальная революция предполагает смену самой модели легитимации и утверждение нации в качестве высшего источника власти. Наконец, в отличие от концептов «либеральной демократии» или «демократической эрозии», фиксирующих постепенное ослабление демократических институтов, национальная революция представляет собой более широкий феномен: речь идёт о переосновании политического порядка на принципах национального суверенитета и культурной целостности.

Как показал проведённый анализ, термин «национальная революция» имеет богатую историко-идеологическую биографию, но в современной политической теории он остаётся

неустоявшимся и методологически неопределённым. Будучи использованным в разных контекстах – от марксистской терминологии до праворадикальной публицистики – он утратил категориальную точность. В то же время эмпирические процессы последних десятилетий свидетельствуют о том, что политика, основанная на мобилизации национальной идентичности и радикальном пересмотре оснований легитимности, не укладывается в рамки классического национализма или популизма [Mudde, Rovira Kaltwasser, 2017]. В отличие от популизма, направленного на антиэлитную мобилизацию в рамках существующего порядка, национальная революция подразумевает смену парадигмы легитимации власти. Это требует новой концептуализации.

Национальная революция, в предлагаемом авторском определении, представляет собой особую форму политического изменения, выражающуюся в системной трансформации государственной и общественной жизни на основе идей национальной идентичности и суверенитета, возникающей как реакция на глобализационные вызовы, кризисы идентичности и ослабление традиционных демократических институтов. Это определение представляет собой попытку выйти за пределы существующих трактовок революции как классового или институционального сдвига, предлагая рассматривать нацию как ось революционной трансформации в условиях постлиберальной эпохи.

В отличие от классических революций, акцентированных на насилии или социальном перевороте, национальная революция в современном контексте может разворачиваться преимущественно дискурсивно, институционально и электорально, но при этом приводить к глубинным изменениям политической системы [Eatwell, Goodwin, 2018].

Авторская концепция национальной революции строится на следующих признаках:

- 1) Национальная идентичность как главный источник легитимации
- 2) В центре революционного действия находится не столько социальный класс или этническая группа, сколько «нация» в политическом и символическом смысле. Легитимация власти переносится с универсалистских (демократических, правовых) оснований на национально-идентичные: принадлежность, история, язык, культурный код [Smith, 1991].
- 3) Идентичностно-политическая мобилизация
- 4) Национальная революция начинается не с захвата институтов, а с изменения дискурса: переопределяется само понимание того, кто является «народом», «гражданами», «носителями воли». Политическая борьба становится борьбой за смысл нации. Это характерно для национал-популистских движений, как указывает К. Мудде [Mudde, 2019].
- 5) Институциональные сдвиги
- 6) В рамках национальной революции происходит перераспределение властных полномочий: усиление исполнительной власти, изменение законодательства, реформы СМИ, конституционные поправки. Подобные процессы наблюдаются, например, в Венгрии и Польше [Vuzogány, 2017].
- 7) Делегитимация прежнего политического режима
- 8) Новая власть утверждает себя как носитель «подлинной воли народа» и «национальных интересов», противопоставляя себя прежней элите, связанной с либеральным и глобалистским порядком. Этот мотив часто присутствует в риторике правопопулистов в Европе и США [Inglehart, Norris, 2016].
- 9) Мягкая (ненасильственная) форма радикального изменения

10) Современные национальные революции редко используют насилие. Их инструмент – демократические выборы, политическое большинство, нормативная риторика. Но результатом становится сдвиг модели легитимации, как указывает М. Гудвин, – «революция без баррикад» [Goodwin, 2023].

Таким образом, национальная революция не тождественна ни национализму как идеологии, ни классическим революциям в их социально-экономическом смысле. Её специфичность – в пересборке легитимации нации как основы власти, что позволяет говорить о ней как о самостоятельной категории политического анализа. Важным измерением национальной революции выступает и символическая политика: подобные процессы неизменно сопровождаются борьбой за интерпретацию истории и коллективной памяти, что придаёт им культурно-идентификационный и долговременный характер.

Постмодерная национальная революция: кейсы XXI века

Современные политические трансформации всё чаще носят характер не институционального переворота, а дискурсивной революции, изменяющей представления о легитимной власти, народе и нации. Именно в этом ключе можно говорить о постмодерной форме национальной революции – как о революции, которая осуществляется преимущественно в сфере идей, символов и политических смыслов, но при этом порождает устойчивые институциональные сдвиги. В центре такой революции находится борьба за идентичность, сопровождающаяся переопределением норм, институтов и власти в национальном ключе.

Одним из самых ярких примеров постмодерной национальной революции стал выход Великобритании из Европейского союза. Несмотря на то, что Brexit происходил в рамках юридических и электоральных процедур, его последствия оказались системными: Великобритания де-факто изменила парадигму своей внешней и внутренней политики. Главным содержанием Brexit стала идея восстановления суверенитета, возвращения контроля над границами и законами – риторика, типичная для национальной революции. Политические акторы (UKIP, консервативные евроскептики) апеллировали к образу «преданной нации», стремясь разрушить легитимность евроинтеграционного консенсуса, доминировавшего с 1990-х годов.

Как подчёркивает М. Гудвин, Brexit стал символическим разрывом с глобалистской моделью, но при этом произошёл без насилия, исключительно через демократическое голосование – что делает его классическим примером «мягкой революции» в национально-идентичностной оболочке [Eatwell, Goodwin, 2018].

Примеры Венгрии и Польши демонстрируют, как национальная революция может быть институционализована: через выборы, конституционные реформы, изменение роли судебной системы и контроль над СМИ. Приход к власти партий Fidesz в Венгрии и PiS в Польше сопровождался программами радикального национального переустройства – и в политике, и в культурной сфере. Эти реформы подавались как возвращение нации к себе, как «реставрация национального суверенитета», а международные институты (ЕС, Венецианская комиссия, ЕСПЧ) изображались как угрозы национальной идентичности и демократии.

Оба примера укладываются в логику национальной революции как процесса пересборки легитимации власти, где главным источником становится не универсальное право, а культурная принадлежность и национальный опыт [Krastev, Holmes, 2019].

Победа Дональда Трампа в 2016 году и его президентство также содержат элементы

национальной революции в постмодернистской форме. Кампания «Make America Great Again» строилась на идее возврата к «истинной Америке», противопоставляемой мультикультурной и либеральной элите. Трамп апеллировал к «забытому народу», использовал ярко выраженную антиглобалистскую и антимигрантскую риторику, разрушал традиционные институты и нормы политического процесса, включая отношение к прессе, судебной власти, международным обязательствам.

При этом формальная система демократии сохранялась, а сдвиг происходил в символическом поле, где изменялись нормы легитимации, лояльности и политической идентичности. Это подчёркивает, что современная национальная революция может разворачиваться внутри демократических процедур, но с авторитарным содержанием. Наряду с дискурсивным измерением, президентство Трампа сопровождалось и институциональными сдвигами. Ключевым стало назначение трёх судей в Верховный суд США, что обеспечило устойчивое консервативное большинство и долгосрочные последствия для правовой системы. Не менее показательной была миграционная политика – от «Travel Ban» для ряда мусульманских стран до резкого ужесточения контроля на южной границе. Дополняли этот курс выход из Парижского климатического соглашения и пересмотр международных обязательств США, что демонстрировало отказ от глобалистского консенсуса.

Анализ кейсов Великобритании, Венгрии, Польши и США показывает, что в условиях постмодерна национальная революция принимает новую форму: она реализуется через дискурсивные и институциональные сдвиги, а не через насильственный захват власти. Несмотря на внешнее следование демократическим процедурам, суть происходящих процессов заключается в переопределении источников легитимации и формировании новой идентичностной парадигмы. Это позволяет говорить о становлении постлиберальной формы революции, в которой нация выступает не как объект мобилизации, а как самостоятельный субъект трансформации политического порядка.

Заключение

Понятие «национальная революция» переживает сегодня концептуальное возрождение. Из термина, используемого преимущественно в идеологической и публицистической риторике XX века, он трансформируется в категорию политической науки, призванную описать новую форму политических изменений, характерных для постлиберальной эпохи. Как показал проведённый анализ, современные процессы – от Brexit до трансформаций в Венгрии, Польше и США – демонстрируют устойчивую тенденцию: мобилизация нации как источника легитимности сопровождается институциональными и символическими сдвигами, которые нельзя свести ни к классическим революциям, ни к обычному электоральному циклу.

Рассмотренные кейсы подтверждают универсальность выделенных признаков национальной революции. В каждом из примеров – будь то институциональные реформы в Венгрии и Польше, дискурсивный разрыв с прежним консенсусом в Великобритании или символическая переориентация политического порядка в США – проявляется общая логика пересборки легитимации на национальной основе. Это позволяет говорить о национальной революции как о реальном процессе, а не только аналитической метафоре.

Предложенное в статье определение национальной революции – как формы системного политического изменения, основанного на идеях идентичности и суверенитета – позволяет аналитически зафиксировать суть этих процессов. Национальная революция в данном контексте

предстает как революция без баррикад, но с радикальными последствиями: делегитимацией прежнего режима, переопределением роли нации, смещением центра политической субъектности.

Перспективным направлением дальнейших исследований становится анализ того, может ли национальная революция утвердиться как новая устойчивая модель политики в Европе и за её пределами. В этом контексте особую значимость приобретает изучение её мемориального и символического измерения: борьба за интерпретацию прошлого и коллективную память закрепляет институциональные и дискурсивные изменения, придавая им долговременный характер.

В то же время предложенный концепт обладает не только аналитическим, но и прогностическим потенциалом. Он позволяет выявлять ранние признаки национальной революции в различных политических системах и тем самым прогнозировать возможные траектории трансформации режимов, выходящих за рамки либерально-демократического порядка

Таким образом, национальная революция может и должна рассматриваться как самостоятельный тип политического изменения. Она требует дальнейшей теоретической разработки и эмпирического изучения – особенно в свете продолжающегося кризиса либеральной демократии, усиливающегося антагонизма между глобализмом и суверенизмом, а также смещения легитимации от универсальных норм к культурно-национальным основаниям.

Библиография

1. Барциц И.И. Эволюция понятия нации в политико-правовом контексте // Государство и право. – 2020. – № 5. – С. 14–26.
2. Василиков М.А. Правый популизм в странах Европейского союза: структура и особенности // Политическая наука. – 2022. – № 4. – С. 112–127.
3. Ленин В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. – М.: Политиздат, 1972. – Т. 31. – 735 с.
4. Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре, или Принципы политического права // Руссо Ж.-Ж. Избранные произведения: в 3 т. – М.: Политиздат, 1969. – Т. 2. – 622 с.
5. Туз А. Цена разрушения: создание и гибель нацистской экономики. – М.: Издательство Института Гайдара, 2022. – 936 с.
6. Anderson B. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. – London: Verso, 1983.
7. Anderson P. Lineages of the Absolutist State. – London: Verso, 1974.
8. Arendt H. On Revolution. – New York: Penguin Books, 1963.
9. Buzogány A. Illiberal democracy in Hungary: authoritarian diffusion or domestic causation? // Democratization. – 2017. – Vol. 24, No. 7. – P. 1285–1315.
10. Eatwell R., Goodwin M. National Populism: The Revolt Against Liberal Democracy. – London: Penguin Books, 2018.
11. Gellner E. Nations and Nationalism. – Ithaca: Cornell University Press, 1983.
12. Goodwin M. Values, Voice and Virtue: The New British Politics. – London: Penguin, 2023.
13. Inglehart R., Norris P. Trump, Brexit, and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash. – HKS Working Paper No. RWP16-026. – Cambridge, MA: Harvard Kennedy School, 2016.
14. Krastev I., Holmes S. The Light that Failed: A Reckoning. – London: Penguin, 2019.
15. Lipset S.M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction // Party Systems and Voter Alignments. – New York: Free Press, 1967. – P. 1–64.
16. Moeller van den Bruck A. Das Dritte Reich. – Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt, 1923.
17. Mudde C. The Far Right Today. – Cambridge: Polity Press, 2019.
18. Mudde C., Rovira Kaltwasser C. Populism: A Very Short Introduction. – Oxford: Oxford University Press, 2017.
19. Norris P., Inglehart R. Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism. – Cambridge: Cambridge University Press, 2019.
20. Paxton R. Vichy France: Old Guard and New Order, 1940–1944. – New York: Columbia University Press, 2001.
21. Smith A.D. National Identity. – Reno: University of Nevada Press, 1991.
22. Smith A.D. Nationalism and Modernism. – London: Routledge, 1998.
23. Tilly C. European Revolutions, 1492–1992. – Oxford: Blackwell, 1993.

National Revolution as a Form of Political Change in the Post-Liberal Era: Theoretical Analysis and Contemporary Cases

Enver R. Memetov

Postgraduate Student, Department of Philosophy and Sociology,
Academy of Labor and Social Relations,
119454, 90, Lobachevskogo str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: enver.memetov.97@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the theoretical understanding of the concept of "national revolution" as a form of political change relevant in the context of the post-liberal transformation of European democracies. The aim of the study is to clarify the categorical content of the term, distinguish it from related concepts, and identify the features that allow considering national revolution as an independent type of legitimation and institutional shift. The methodological basis is a comparative analysis of the ideological, discursive, and institutional changes accompanying the mobilization of national identity. The article reconstructs the historical evolution of the concept and systematizes contemporary approaches to its interpretation. The author proposes his own definition of national revolution and identifies its key features. The empirical basis consists of the cases of Great Britain, Poland, Hungary, and the United States, demonstrating the transition from a universalist model of legitimation to an identity-based one. The scientific novelty lies in the introduction of the concept of "national revolution" into the analytical apparatus of political science and the identification of its potential for analyzing post-liberal processes.

For citation

Memetov E.R. (2026) Natsional'naya revolyutsiya kak forma politicheskogo izmeneniya v postliberal'nyuyu epokhu: teoreticheskiy analiz i sovremennyye keysy [National Revolution as a Form of Political Change in the Post-Liberal Era: Theoretical Analysis and Contemporary Cases]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (2A), pp. 68-77. DOI: 10.34670/AR.2026.34.94.009

Keywords

National revolution, political change, post-liberalism, national identity, populism, cultural shift, democratic crisis, political legitimation, political transformation.

References

1. Anderson, B. (1983). *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London: Verso.
2. Anderson, P. (1974). *Lineages of the Absolutist State*. London: Verso.
3. Arendt, H. (1963). *On Revolution*. New York: Penguin Books.
4. Bartsits, I.I. (2020). Evolyutsiya ponyatiya natsii v politiko-pravovom kontekste [The evolution of the concept of nation in the political and legal context]. *Gosudarstvo i pravo*, (5), 14–26.
5. Buzogány, A. (2017). Illiberal democracy in Hungary: authoritarian diffusion or domestic causation? *Democratization*, 24(7), 1285–1315.
6. Eatwell, R., & Goodwin, M. (2018). *National Populism: The Revolt Against Liberal Democracy*. London: Penguin Books.

7. Gellner, E. (1983). *Nations and Nationalism*. Ithaca: Cornell University Press.
8. Goodwin, M. (2023). *Values, Voice and Virtue: The New British Politics*. London: Penguin.
9. Inglehart, R., & Norris, P. (2016). *Trump, Brexit, and the Rise of Populism: Economic Have-Nots and Cultural Backlash*. HKS Working Paper No. RWP16-026. Cambridge, MA: Harvard Kennedy School.
10. Krastev, I., & Holmes, S. (2019). *The Light that Failed: A Reckoning*. London: Penguin.
11. Lenin, V.I. (1972). *Polnoye sobraniye sochineniy [Complete Works] (Vol. 31)*. Moscow: Politizdat.
12. Lipset, S.M., & Rokkan, S. (1967). *Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignments: An Introduction*. In *Party Systems and Voter Alignments* (pp. 1–64). New York: Free Press.
13. Moeller van den Bruck, A. (1923). *Das Dritte Reich*. Hamburg: Hanseatische Verlagsanstalt.
14. Mudde, C. (2019). *The Far Right Today*. Cambridge: Polity Press.
15. Mudde, C., & Rovira Kaltwasser, C. (2017). *Populism: A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
16. Norris, P., & Inglehart, R. (2019). *Cultural Backlash: Trump, Brexit, and Authoritarian Populism*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Paxton, R. (2001). *Vichy France: Old Guard and New Order, 1940–1944*. New York: Columbia University Press.
18. Rousseau, J.-J. (1969). *Ob obshchestvennom dogovore, ili Printsipy politicheskogo prava [The Social Contract, or Principles of Political Right]*. In *Izbrannyye proizvedeniya (Vol. 2)*. Moscow: Politizdat.
19. Smith, A.D. (1991). *National Identity*. Reno: University of Nevada Press.
20. Smith, A.D. (1998). *Nationalism and Modernism*. London: Routledge.
21. Tilly, C. (1993). *European Revolutions, 1492–1992*. Oxford: Blackwell.
22. Tooze, A. (2022). *Tsena razrusheniya: sozdaniye i gibel natsistskoy ekonomiki [The Wages of Destruction: The Making and Breaking of the Nazi Economy]*. Moscow: Gaidar Institute Press.
23. Vasilikov, M.A. (2022). *Pravyy populizm v stranakh Evropeyskogo soyuza: struktura i osobennosti [Right-wing populism in the countries of the European Union: structure and features]*. *Politicheskaya nauka*, (4), 112–127.